

Биография номера

«...Я была домашним, дворовым ребенком»

Елена Мещеркина

История жизни молодой женщины по имени Таня привлекла обжитым парадоксом, вынесенным в название статьи. Речь идет о специфическом коммунальном характере детства в небольшом городке в советские времена, когда приватность как ценность еще не вызрела, а публичность была согрета квазисемейными отношениями. Какие культурные ловушки готовит девочке такой контекст социализации, если патриархатные нормы лишь уступили, но не исчезли, а идеология равных прав поработала над расширением горизонта притязаний?

Интервью состоит из двух частей – основного рассказа респондентки о своем детстве и ответов на вопросы интервьюера, которые скорее заданы в логике опросника/гайда, но, тем не менее, дают дополнительную информацию о детстве рассказчицы.

Основные тематизации биографического рассказа

Таня начинает свой рассказ не с первых собственных воспоминаний о детстве, которые, как выясняется в фазе нарративного расспрашивания, у нее есть, а с рассказа о себе двухлетней со слов родителей.

«...Ярких воспоминаний того периода у меня своих нет. Но осталось и всегда сопутствует мне в жизни воспоминание – рассказ – о том, какой я была в детстве. Рассказ моих родителей. Значит, когда мы жили на Камчатке, то к нам особо добраться туда было не так просто. И люди приезжали на замену, то есть в воинскую часть прилетали люди на замену на самолете. Самолет этот садился далеко ват от военного городка. Туда нужно было пройти большое поле, бурлящий ручей. Вот. И ... был такой интересный случай со мной. Мне, наверно, тогда было около двух лет, мама рассказывала. Я потерялась. Взрослые показывали кукольный театр, и по окончании кукольного театра выяснилось, что меня нету. А дело уже было к вечеру. Была послана группа солдат, которые искали меня и в поле, и по краям этого ручья. Были облажены все закуточки нашего военного городка. Нигде меня не могли найти. И уже поздно вечером меня домой привела женщина, которая дежурила в соседнем военном городке. Занимала очередь, чтобы что-то купить, какие-то продукты в магазине. И я, маленький ребенок двухлетний, сама, самостоятельно, оказывается, пошла встречать эту замену. Заменку – как мы ее называли. Меня увидели совершенно чужие люди: идет маленький ребенок, один по дороге. Значит, все переполошились. И случайно женщина из нашего городка меня вспомнила и привела домой. Вот. Я не помню своих ощущений. Но, видимо, мне так хотелось самой увидеть, как садятся эти самолеты или, возможно, мне хотелось даже уехать, то есть познать что-то для себя новое. Скорее всего это меня и толкнуло на такой мой поступок».

Основной смысл зачина – репрезентировать себя с самого начала со стороны *поиска нового и самостоятельности*. Эта первая тематизация имеет важное значение. Она «выбрана» в качестве заглавного эпизода.

Далее представлено дворовое сообщество ребят, команда, в которой, «не уступая» мальчишкам, наравне с ними Таня играла в детстве. *«Я больше дружила с мальчишками, во дворе, мы дружили двором. У нас была такая своя дворовая команда. Больше там было мальчишек, и, как бы не уступая им, все сараи смоляные и все овраги, и все крыши там, где какие ямы, где что – это было пролажено, проползано. Кругом я совала свой нос наравне с ребятами»*. Модус рассказа о девочках уже здесь приобретает противопоставление: «были у меня девочки», «мы любили с ними» играть и в девичьи игры.

«И, тем не менее, были у меня девочки, с которыми мы помимо вот этих подвижных, спортивных, можно сказать даже, игр, мы любили с ними – у нас за домом был такой небольшой палисадник – мы строили там свои квартиры. Кусты накрывали, там, простынями-одеяльцами, делали комнаты, играли с куклами. То есть, мы играли в дочки-матери. Это, наверно, где-то было лет пять мне».

Следующая тема связана с родительским домом, теплом, печкой, пирогами. Важно, что здесь мама ассоциируется с домашним теплом, уравнена с ним. *«У меня по сей день символом домашности, домовитости такой, домашней теплой обстановки осталось запах пирогов, которые пекла мама, и потрескивание печки, которая у нас топилась. Придешь зимой домой, и почти всегда были пирожки, вкусный запах пирогов, и вот потрескивание, тепло от печки, которую топили дровами, углем. Это тепло»*.

Затем наступает этап школы, в которую «идут всем двором». Сюда примыкает эпизод с обидой на учительницу и попыткой привлечь отца к ее наказанию.

«В первом классе со мной был такой случай. Это было зимой. Когда я пришла на урок чтения, и учительница меня вызвала. У меня парта стояла за печкой, и дальше стояла вешалка такая. Значит, учительница меня вызвала что-то читать и поставила мне четыре. А училась я хорошо, я очень на нее обиделась. Я встала, одела свою шубку, сказала учительнице, что я вот пойду сейчас и скажу своему папе, а папа придет и с Вами разберется. И вот я оделась, пришла домой. А папа у меня в то время болел, лежал дома. И ему это все рассказала: «Ты знаешь, папа? Какая учительница несправедливая. Она мне поставила четыре. Ты должен пойти и ее наказать». И папа меня очень сильно отругал и говорит: «Как тебе не стыдно? Да как ты могла так поступить? Иди немедленно, вернись, извинись и сядь, и занимайся дальше». Я поплакала-поплакала, но делать было нечего. Я развернулась, пошла в класс, действительно пришла и извинилась перед Пашей Григорьевной, – так звали мою учительницу».

Важный момент здесь – отец «нормализует» ситуацию, к нему обращается дочь, хотя он и был болен. И в итоге отец, а не мать, о которой даже не упоминается, возвращает все на свои места: будит чувство стыда, описывает необходимый порядок и требует его выполнения. Подчеркиваются качества другой хорошей учительницы – добрая, спокойная, внимательная.

Следующая тематизация неявно говорит о первой влюбленности в вожатого и о первом опыте неправды ради встречи с ним. *«Я ей [маме] соврала, сказала, что не лыжный поход, а вечер в школе. А я лежала до этого с температурой. Мама, понимая, что мне действительно нужно, меня отпустила. Я оделась, капрончик тоненький. И вот пошла я с ними в этот лыжный поход. Они все были на лыжах, а я была пешком. Я промерзла, конечно»*. Хотя чувство и замаскировано, и малоосознанно, тем не менее жертвы, на которые идет девочка ради этой встречи, весомы. Она пренебрегает здоровьем, говорит неправду матери, следовательно, это чувство было сильным. Косвенно видно, что элементы контроля в повседневности – в компетенции матери.

Далее тематизируется важная часть детской жизни Тани: спортивные игры в волейбол и баскетбол. Она подчеркивает, что пришла в спорт вслед за братом, а ценит в этих заня-

тиях переживаемое единство команды, доверие играющих в ней друг к другу. Тренер, вызывающий уважение, обладает теми же качествами, что и хорошие учителя в школе: добрый, ровный, что и обеспечивает, по мнению Тани, результаты спортивных достижений.

Приводится эпизод с соревнованиями, в которых девочки продемонстрировали умение собраться, выносливость, стремление к цели. *«Мы собрались, и мы у всех выиграли. То есть мы стали чемпионами города. Это мне запомнилось, что по жизни никогда не нужно раскисать, а нужно, как к намеченной цели, двигаться и стараться, вот то, что я хочу, чтоб ты это мог достичь».* Этот эпизод рассматривается рассказчицей как модельный, осмысленный опыт: движение к цели – старание – достижение.

Следует описание отношений в классе и позиционирование себя среди одноклассников. Признание «каждый сам по себе» звучит горько после восторгов по поводу командной сплоченности. Здесь возникает новая для рассказчицы ситуация, связанная с попыткой приспособления к сложившимся отношениям: у всех есть подружки – у меня нет – нужно найти подружку. Императив «как у всех» толкает ее на поиск подружки, отношения с которой так и не сложились.

«И был у меня такой период, класс наверно седьмой–восьмой, когда я поняла, что у нас в классе девочки дружили как-то парами, вот, то есть были какие-то подружки. И мне, помню, было очень горько, почему же у меня не было подружки. У нас была в классе девочка, Валя. Чем-то даже мы были с ней похожи: она была такая беленькая, и я была такая беленькая... Я к ней пришла и говорю: «Валь, давай мы с тобой будем дружить». Она говорит: «А ты знаешь, Тань, а у нас наверно с тобой ничего не получится – дружбы». Я говорю: «Давай попробуем». То есть мне очень хотелось, чтобы у меня тоже была подруга. Хотя у нас с ней такой именно дружбы так и не состоялось. И вот сейчас уже я это понимаю, что, может быть, я очень много была занята чем-то: этими всеми делами, что, вот, подруги и кто-то близкий, – они были для меня, ну, не то что... может быть даже и лишние как-то. А все-таки человек, подруга – они требуют и внимания, и отношения определенного, а я была поглощена этой бурлящей жизнью».

Ее вывод: эти отношения – индивидуальные, не в команде – для нее лишние, обременительные, на них нет времени. Как бы в противовес этому неудачному опыту, переживаемому с известным огорчением, она с гордостью говорит об обособленном пространстве в классе, где сидят она и другие ребята, в основном мальчики, которых Таня называет «сила класса». «Сила» – по степени продвинутости по основным предметам: сильный физик, сильный математик, спортсмен. Подчеркивается, что в этом сообществе она и еще одна девочка позволяют себе манипулировать "избранными" мальчиками.

С позиций этой избранности следует эпизод, повествующий о своевольном уходе учеников с урока украинского языка. Хотя решили уйти коллективно, конкретный пример подала Таня, – видела, что другие медлят, взяла портфель и пошла, чем открыла цепную реакцию в классе. *«В общем, я взяла портфель, там еще что-то взяла, и мы кучей ушли».* Когда последовали санкции, класс ее «сдал». Это непроговоренное предательство вызывает у нее иронию, оценивая его, она отмечает отсутствие чувства стыда и в то же время неловкость перед переживающими родителями. *«Ну, чувства стыда у меня не было совершенно, и по сей день его нет. Мне было просто как-то не по себе из-за того, что будет неудобно моим родителям. А чувства того, что я сделала что-то не так, у меня не было».*

Другой драматичный эпизод, связанный со школой, связан с ситуацией конкуренции из-за золотой медали.

«Когда я уже училась в одиннадцатом классе, то я претендовала на золотую медаль. И у нас училась девочка, которая говорила, что мне нечестно ставили эти пятерки. Ее мама написала письмо в горОНО. И перед экзаменами к нам приехала комиссия из горОНО. То есть идет урок математики, меня вызывают и спрашивают от и до в присутствии этой комиссии. Идет урок химии и, значит, меня опять спрашивают. То есть по

всем предметам у нас сидели представители этого горОНО и проверяли, насколько действительно – есть у меня знания или нет. Ну, вроде все прошло нормально. И нас с этой девочкой судьба свела на экзамене химии, она не могла задачу решить. И я эту задачу решила, подбрехала, она сдала на пять. Ну, я, естественно, сдала на пять. И когда вышли, она ко мне подошла и говорит: «Таня, спасибо тебе за то, что ты мне решила». И все наши были удивлены, – что после того, как ее мама столько потрепала тебе нервы, значит, ты еще ей решала эти задачи. Я говорю: «Я не знаю, она меня попросила и ей сделала». То есть злобы к ней никакой не было, хотя достаточно здорово я переживала по этому поводу». Смысл этого эпизода – в репрезентации несправедливости, преодоленной собственным усердием и благородством по отношению к сопернице. Отметим, что на вопрос одноклассников, почему она помогла клеветавшей на нее сопернице, Таня объясняет: она сама попросила. Причем это объяснение возникает не в ходе рассказа о том, как проходил экзамен, а в разговоре с одноклассниками, в ситуации «создания мнения». Важны для рассказа факт завершения конкурентной борьбы моральным поражением/признанием соперницы и обстоятельство, что об этом узнали одноклассники.

Далее рассказ соскальзывает на обобщения, касающиеся дружбы погодков, подчеркивание значимости компании, проводящей время вместе описание места препровождения – местного Бродвея.

Затем следует важная тематизация выбора профессии. Это представлено через описание понравившейся учительницы, которая завоевала уважение умением использовать образное мышление, театральные формы. Полученные знания оцениваются как производное от умения преподавать и личности учительницы. Выбор Таня делает в пользу пищевого института. Но при этом тематизируется собственная педагогическая одаренность, подкрепляемая мнением завуча и удачной практикой преподавания в 6-м классе.

«Когда занималась я в школе, все учителя мне пророчили педагогическую карьеру, говоря, что из меня получился бы хороший педагог. Может быть, – я действительно много лет занималась с малышней, когда была пионерской вожатой, разные игры проводила и какие-то вечера, старалась чем-то занять детей. И был у меня такой случай: в десятом классе заболел наш классный руководитель, учитель математики. И вот завуч меня попросил, чтоб я вместо него во вторую смену преподавала математику в шестом классе. И целую четверть я в двух шестых читала математику. Завуч раз в неделю ходил ко мне на уроки, смотрел и после сказал: «Тань, тебе нужно идти только в педагогический институт». Но я всерьез это не восприняла».

Тем не менее, этот подкрепленный положительным отзывом опыт не был ею воспринят серьезно, как альтернатива сделанному выбору.

Школьная тематика содержит еще один выход на личную репрезентацию – самоопределение как «вожака народа» и демонстрацию себя (в эпизоде с критикой одноклассника) как открытого и правдолюбивого человека, который говорит правду в лицо. Развитие сюжета показывает, что «правда» может болезненно восприниматься другими, более того, провоцировать конфликт. *«Парень обиделся, видимо, очень здорово, потому что, когда я шла домой, он стоял около кучи металлолома, который мы тогда собирали, держа в руках огромную трубу, и начал этой трубой мне угрожать, что вот ты домой не дойдешь».* Таня выходит из этой ситуации победительницей: она сумела побороть чувства обиженного и обратила его в друга.

Заключает она свой рассказ о детстве и ранней юности переходом к коллективным воспоминаниям и подытоживанием опыта пионерии и комсомола с позитивных позиций: было интересно, несмотря на политизацию; мы принимали в этом активное участие. Подчеркнут мотив проверки себя, познания нового. С точки зрения тематизации, круг замкнулся: она начинает рассказ и заканчивает его в одном смысловом ключе познания нового.

Анализ тематизаций, построение гипотез и поиск смыслов

Сохранение рассказчицей рамочной тематизации «поиск нового» говорит о том, что ей удалось удержать повествование в своей логике, согласно собственным критериям отбора событий и фактов. *Таким* она видит свое детство, с таким смыслом детские опыты участвуют в конструировании ее идентичности. Информация же, полученная в ходе нарративного расспрашивания, дает нам развернутую детализацию отдельных моментов и, что очень важно, освещает некоторые проблематичные, с точки зрения презентации себя, эпизоды. Эти эпизоды не вошли в основной рассказ, будучи подвергнутыми внутренней селекции, цензуре. Например, отношения с братом, его «уличение», грустные истории про животных в доме, углубление размышлений о неудаче профессионального выбора и намеки на виновных, история о жестоко проученной девочке. В известной степени ослабление самоконтроля во время расспросов можно объяснить тем, что благодаря «точечному» интересу интервьюера рассказчик освобождается от необходимости устанавливать самому причинно-следственные связи между этими эпизодами. Иное дело в основном рассказе, в рамках которого отбором фактов и событий управляет Я-концепция рассказчика, собственная логика и стремление представить себя определенным образом.

Каким же образом хочет представить себя Таня? – Счастливым ребенком, с детства нацеленным на поиск нового, девочкой, предпочитающей активные игры наравне с мальчишками, спорт в команде, ориентированной на школьные достижения: в учебе и в общественной жизни школы, конкурентной, прислушивающейся больше к мнению отца, нежели матери, ценящей и культивирующей собственную самостоятельность.

Сквозь этот позитивный образ просвечивает ряд не столь положительно переживаемых опытов, которые, однако, привлекают наше внимание тем, что вступают в противоречие с образом, презентуемым рассказчицей.

Первый опыт обозначения границ социальной нормы она испытывает в 1-м классе в эпизоде с учительницей, к наказанию которой девочка пыталась привлечь отца. Отец же и «нормализовал» ситуацию, указав дочери единственно возможный модус поведения. *Второй* опыт связан с осознанием того, что, с точки зрения социальных отношений в школе, она испытывает известные дефициты: у нее нет близкой подружки, как у всех девочек. Ее попытка восполнить этот дефицит неудачна по результату и довольно неуклюжа по исполнению. Она примиряется с неудачей, находя компенсацию в группировке под названием «сила класса». *Третий* опыт связан с известным предательством класса по отношению к ней, представительнице его «силы». Это опыт скорее не консолидированного предательства, а отсутствия солидарности в классе, очевидно, разбитом на группы. Ирония как ответная реакция показывает, тем не менее, что эмоциональной боли по этому поводу рассказчица не испытывает. Соответственно, степень идентификации с классом невысока. *Четвертый*, самый важный с точки зрения последствий опыт связан с ошибкой в выборе будущей профессии. И, пожалуй, этот опыт приходит в наибольшее противоречие со смыслом презентации, данным Таней в основном рассказе. Активная, достигательная, спортивная, самостоятельная девочка делает важную ошибку на пороге окончания школы. Профессия «не моя, не греет». Почему?

Нам кажется, что именно этот вопрос особенно важен в биографическом развитии Тани, к этой теме она возвращается еще раз в процессе расспрашивания, ощущая свою беспомощность: «Никто не понимал, как это важно и нужно», «никто не обращал мое внимание...». Более того, проблематизация выбора профессии выводит и на другие, важные для социализации рассказчицы поля: ее детство в кругу отца, матери и брата, в кругу сверстников, ее гендерная идентификация. Здесь лежат основания совершаемых ею выборов.

Как, собственно, проходил процесс выбора профессии? Таня «решила сама – пойду на биохимический факультет пищевого института». Подчеркнута самостоятельность, более того: «Родители, никто ничего не советовал». Но при этом, спустя пару фраз, она говорит о том, что «...мама, она старалась, пыталась...тихо, ненавязчиво...». Что? – Очевидно, все-таки советовать и направлять. Следовательно, категория «родители» как инстанция влияния и

коммуникативная конструкция не включает мамин голос, совет, влияние. Есть ли тому доказательства в других секвенциях текста? – Многократные. Во-первых, об отце мы узнаем очень много, по сравнению с матерью. Мы знаем его путь от военного, экспедитора до заведующего магазином. Работала ли мать вообще и каков род ее занятий – из интервью нам не известно. Косвенно из паспорттики интервью узнаем, что она домохозяйка. Если мать для Тани – тепло домашнего очага, уют, но также и дисциплинарный контроль в повседневности, то с отцом больше сопряжено позиционирование вне дома, во внешнем мире. Отца уважают, благодаря ему в дом приходят люди, его имя для девочки – стимул чувства самоуважения и мотивации к достижениям, например, в ситуации конкурса санитаров. Стремление монополюно заслужить любовь отца, возможно, руководит ею и в ситуации, когда она выдает ему курившего брата. По ее признанию, она ближе отцу, даже эмоционально. Эта близость очевидно и не позволила серьезно прислушаться к советам матери.

Во-вторых, есть еще один аспект внутрисемейных отношений, который остается в тени, непроговоренным. Это отношения отца и матери. Восприятие и воспоминания девочки доносят до нас лишь отсутствие голоса матери как фигуры умолчания и недифференцированность коммуникации матери и дочери. Это может быть отнесено гипотетически как на счет традиционного уклада в семье (муж – военный, кормилец и глава семьи, мать – домохозяйка, хранительница очага, ответственная за уют, пироги и детей), так и на счет отсутствия сильных эмоциональных связей между родителями и обесценивания личности матери в обоих контекстах. Во всяком случае, эмпирически из текста вытекает, что мать в поле семейной коммуникации имеет для Тани малую привлекательность в смысле социальной идентификации. Более того, девочка испытывает некоторую амбивалентность в плане идентификации по полу (гендерной идентификации).

В существенной степени этой амбивалентности способствуют условия социализации во дворе среди близких по возрасту детей («в школу пошли всем двором»). Активность, любознательность девочки реализуется прежде всего в играх с мальчишками, в атмосфере социальной открытости малого городка, где все друг друга знают, дети получают пищу и внимание в домах соседей, безопасность на улице стимулирует родителей отпускать детей в компании друзей, царит идеология равенства «все как у всех без особых запросов», а если кто и выделяется, того и проучить можно (случай с хорошо одевавшейся девочкой в 4-м классе). Уже в это время происходит некоторое смещение в гендерной идентификации Тани. В известной степени она отмежевывается от других девочек, занятых исключительной девичьими играми. Из игрушек доминируют мячи. На уровне речи это размежевание находит отражение в следующих лингвистических конструкциях: «у меня были девочки...», «мы любили с ними...». Спорт лишь усилил это дистанцирование, которое стало достоянием ее сознания в тот момент, когда Таня замечает в 7–8-м классе свою непохожесть на других девочек в отсутствии близких отношений с подружкой. Ее моральная гиперкомпенсация осуществляется за счет маскулинизированной конструкции «сила класса». Таким образом, несмотря на кажущуюся противоречивость самоопределения «я была домашним, дворовым ребенком», для Тани в этой фразе нет внутреннего конфликта: социализационный фон в виде мальчишеских игр, спорта и группировки «сила класса» имеют содержательную преемственность с внутрисемейной ориентацией на фигуру отца. Общими являются также складывающиеся когнитивные и моральные ценности достижения, целеполагания, структурирования времени, конкурентности, нацеленности на результат. В семье носитель этих ценностей – отец.

С другой стороны, динамика гендерной идентичности девочки в семье вынуждает ее, при явной очень сильной любви к отцу выбирать для подражания, идентификации женскую фигуру. Обычно этот выбор (разрешение комплекса Электры) делается у девочек в пользу матери как персоны, уже заслужившей любовь отца. В этом выборе, соответственно, берет начало женская идентификация. В нашем анализе это – момент для включения таких концепций и теорий, как, например, освоения социальных ролей, гендерной социализации в версии Нэнси Чодороу и др. Но в истории жизни Тани описание семейного контекста стимулирует гипотезу о социальной малоценности фигуры матери и затая-

нувшемся у девочки комплексе Электры. На развитие этой гипотезы «работает» появляющийся на авансцене рассказ о другой значимой женской фигуре, которая вызывает у девочки восхищение и персонализирует творчество, образность, высокую компетентность, что вкупе воплощается в «хороших знаниях». Для нас здесь принципиально важно, что это – женская фигура с типичными женско-материнскими чертами доброты, внимательности, заботы. И в этом, совмещенном с профессиональным статусом, качестве она не может быть мужской для идентификационных поисков Тани. То место принадлежит отцу. Поэтому совет завуча выбрать профессию педагога, подкрепленный, к тому же, удачным опытом преподавания в 6-м классе, не возымел действия. Он просто не попал в поле серьезного рассмотрения девочки. Ситуация приобретает для Тани характер лувшки. Ее запоздалое (из-за маскулинизированного характера дворовой социализации плюс социальной обесцененности матери) самоопределение в выборе примера для женской идентификации подготовило избирательную оценку личности учительницы в контексте выбора профессии. Большее значение Таня придает внешним проявлениям – стилю коммуникации, преподавания, личностным качествам учительницы как посредника между учениками и знанием. Собственно предмет – химия – приобрел притягательность для Тани через привлекательность качеств преподающей его учительницы. Это больше похоже на выбор Тани, какой быть, как женщина, в будущем, а не содержательный выбор профессии.

Ввиду того, что интервью охватывает период детства, мы не знаем, как полученное образование и последующий профессиональный опыт *наложились* на эти обстоятельства социализации. Тем не менее, из ответов на вопросы интервьюера мы узнаем, что Таня закончила институт, вышла замуж за военного (как и ее мать), вследствие чего ей приходилось неоднократно менять место жительства и работу. Последние 6 лет она работала в школе, на момент интервью – консультант в службе занятости города. Обстоятельства ухода нам не известны, но для анализа принципиально важны занимаемая рассказчицей позиция по отношению к *пройденному* периоду, рефлексия и чувства, которые он вызывает. Работа в школе приносила ей радость и удовлетворение: «это – мое». Лингвистически это выражено в ряде динамичных по смыслу глаголов: говоря о своих детях, она хотела «найти.., помочь.., отвести.., дать.., увлечь.., растормошить.., дать возможность...». Если принять во внимание данное обстоятельство, то наша рассказчица открыла заново дремавшие в ней способности, пересмотрела свой выбор и сделала его уже более квалифицированно. В ее словах по этому поводу есть намек, открывающий еще одно поле для размышлений. О работе в школе она говорит: «*Я пошла работать в школу...не потому, что там много платят [может, поэтому, и пришлось оттуда уйти?], мне просто хотелось, чтобы вот это все, что было у меня светлого, хорошего, то, что мне дало детство, – чтобы оно было у моих детей [может, речь о собственных детях?]. Потому что я видела, что их жизнь была неинтересна...Я старалась каждому ребенку...*». Очевидно, что речь все же идет не о собственных детях, а об учениках. Но эта неоднозначность лишь подчеркивает ее материнское отношение к детям в школе. Мы видим здесь, во-первых, возвращение к образу и модусу поведения той учительницы химии из школы, где училась Таня. Но также, во-вторых, здесь присутствует образ ее собственной матери, актуализировавшийся тогда, когда пришло время самой отдавать себя (как жене и матери). Она упоминает, что стремится приготовить что-нибудь вкусное, испечь пироги, когда хочется сделать домашним приятное, возрождая тем самым атмосферу родительского дома. Можно выдвинуть, но вряд ли верифицировать гипотезу о том, что выбор партнера из среды военных (симметрично основной профессии отца), переподчинение из самостоятельной и достигательной девушки в следующую за мужем жену, вынужденную оставить полученную профессию и имеющую ограниченный профессиональный выбор в гарнизонных городках – местах службы мужа, «вернули» ей в новом качестве психологически комфортную профессиональную и женскую роль. Залогом возвращения к ней стали «тепло, уют, атмосфера, пироги», но также необходимость приспособления к нормативным отношениям в партнерстве, осознание баланса между семейной и профессиональной ролями, рецепты которого вырабатываются культурой и уточняются социальным временем.